

Майя Вереск

ОДИННАДЦАТЬ ШАГОВ ДО ТЕБЯ

18+

Майя Вереск

Одиннадцать шагов до тебя

«Автор»

2026

Вереск М.

Одиннадцать шагов до тебя / М. Вереск — «Автор», 2026

Архитектор-реставратор Марина получает в наследство половину старого дома на берегу моря. Вторая половина принадлежит Игнату — её первой любви, которая одиннадцать лет назад исчезла в одну ночь без единого слова объяснения. По завещанию бабушки у них есть три месяца: либо вместе решить судьбу дома, либо потерять его навсегда. Марина не собиралась прощать. Не собиралась снова доверять. Но старая колода Таро упрямо показывает одну и ту же карту — Силу, — и с каждым днём становится всё труднее отличить реставрацию дома от реставрации всего, что между ними разрушилось. У молчания Игната была причина. У правды — своя цена. А у карты Силы — своё послание: сила не в том, чтобы победить страх, а в том, чтобы остаться рядом с тем, что может тебя ранить. Иногда, чтобы отстроить будущее, нужно сначала разобрать по кирпичику прошлое — и решиться довериться снова. Одиннадцать лет молчания. Три месяца, чтобы всё исправить. Одиннадцать шагов навстречу.

© Вереск М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ключи от чужого прошлого	5
Глава 2. Одиннадцать лет спустя	10
Глава 3. Условия сделки	15
Глава 4. Дом с трещинами	20
Глава 5. Карта, которая не уходит	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Майя Вереск

Одиннадцать шагов до тебя

Глава 1. Ключи от чужого прошлого

Телефон звонит в тот момент, когда я держу в зубах карандаш, а в руках — рулон кальки размером с меня саму.

— Форма и время, — говорю я, роняя рулон на стол, и он, конечно, разворачивается, скользит по чертежу купеческого особняка и падает на пол широкой белой волной.

— Марина Дмитриевна? — женский голос, немолодой, чуть простуженный. — Это нотариальная контора Величко, Анна Сергеевна вас беспокоит. Простите, что во время рабочего дня.

Я нагибаюсь за калькой, придерживая трубку плечом.

— Слушаю.

— У нас открыто наследственное дело вашей бабушки, Осокиной Анны Тимофеевны. Нужно, чтобы вы подъехали для оглашения завещания. Желательно сегодня, у нас как раз освободилось время к трём.

Я выпрямляюсь слишком резко, и что-то в шее хрустит.

— Простите, какое завещание? Бабушка умерла два месяца назад, мы всё уже... разве не всё уже оформлено?

— Оформлено то, что можно было оформить сразу, — говорит Анна Сергеевна тем ровным тоном, каким медсёстры сообщают о результатах анализов. — А это отдельный пункт, с отдельными условиями. Завещатель просила огласить его отдельно и не раньше определённого срока. Срок наступил.

Я смотрю на кальку в руках, на карандашный контур несущей стены, которую я третий день пытаюсь понять — то ли она аутентичная, то ли поздняя перекладка. Стена подождёт.

— Буду в три, — говорю я и вешаю трубку раньше, чем успеваю спросить что-то ещё.

— Что там? — спрашивает Костя из-за соседнего стола, не отрываясь от монитора. Он единственный в нашем бюро, кто ест на рабочем месте, и сейчас в воздухе висит запах разогретой лапши, который я стараюсь не замечать уже третий год.

— Бабушкино дело какое-то. Нотариус.

— Ты же говорила, всё уже закрыли.

— Я тоже так думала.

Я поднимаю кальку с пола, сворачиваю её обратно в рулон, стараясь не думать о том, что голос нотариуса был слишком осторожным для простой формальности — так говорят, когда заранее знают, что новость неудобная. За окном бюро — двор с покосившимся сараем, который мы уже полгода уговариваем соседей снести, и я цепляюсь за эту мысль, потому что она понятная и не имеет отношения ни к каким завещаниям.

Марья Витальевна, наша начальница, выглядывает из своего кабинета.

— Осокина, у тебя сегодня к четырём смета по особняку на Гоголевской. Успеешь?

— Мне нужно на два часа уехать. Семейное.

Она смотрит на меня внимательнее, чем требует простой рабочий вопрос — Марья Витальевна знает про бабушку, была на похоронах, приносила пирог с луком, который никто не ел.

— Езжай, — говорит она. — Смета подождёт до завтра.

Я благодарна ей за то, что она не спрашивает подробностей. Мне нечего было бы ответить.

Контора Величко — это два тесных кабинета над аптекой, пахнущие бумагой и растворимым кофе. Анна Сергеевна оказывается маленькой женщиной в очках на цепочке, она смотрит на меня поверх стёкол с тем особым спокойствием людей, которые уже знают что-то, чего не знаю я, и жалеют меня заранее.

— Присаживайтесь, Марина Дмитриевна. Мы ждём ещё одного участника.

— Участника? — Я сажусь на край стула, сумка на коленях, руки на сумке. — Какого участника, у бабушки же только я осталась.

— По закону вы не единственный получатель этой части имущества, — она листает папку, не поднимая глаз. — Дом на Приморской, одиннадцать, унаследован в равных долях. Вашей второй половиной является...

В этот момент дверь кабинета открывается, и я узнаю его раньше, чем поворачиваю голову. Узнаю по тому, как меняется воздух в комнате — так меняется он, когда кто-то открывает окно посреди зимы.

— Извините за опоздание, — говорит Игнат Северин. — Пробки на въезде в город.

Он не смотрит на меня сразу. Сначала здоровается с нотариусом, вешает куртку на спинку свободного стула, и только потом — только потом — переводит взгляд, и я вижу, что он тоже не ожидал увидеть меня здесь. Одиннадцать лет, а я всё ещё умею читать эту заминку в его лице за долю секунды до того, как оно снова становится ровным.

— Марина, — говорит он.

— Игнат, — говорю я и слышу, как ровно это звучит, и мысленно хвалю себя за это ровное звучание, потому что внутри всё совсем не ровно.

Он выше, чем я помню, хотя это странно — он не мог вырасти за одиннадцать лет. Наверное, дело в том, что я помню его девятнадцатилетним, а сейчас передо мной стоит мужчина в рубашке без единого рисунка, с короткой бородой и часами на левом запястье — простыми, механическими, я почти уверена, что это те же самые часы, что были у его отца.

— Присаживайтесь, — повторяет Анна Сергеевна, и в её голосе теперь слышны нотки удовольствия — как у человека, который наконец дождался развязки затянувшегося сериала.

Игнат садится через один стул от меня. Между нами — пустой стул, ровно один, безопасное расстояние, рассчитанное заранее и без нашего участия.

— Итак, — говорит нотариус, — Анна Тимофеевна Осокина оставила вам в равных долях дом по адресу Приморская, одиннадцать, со всем прилегающим участком. Условие следующее: у вас есть три месяца с сегодняшнего дня на совместное решение о судьбе дома. Вы можете продать его — тогда средства делятся поровну. Вы можете отремонтировать и оставить в семье — тогда нужно оформить это как совместную собственность на постоянной основе. Если за три месяца решение не будет принято, дом переходит в собственность города для последующего сноса — там давно хотят расширять набережную, и участок... удобный.

Она произносит последнее слово с явной брезгливостью, как неприличное.

— Простите, — говорю я, — а почему нельзя было просто разделить дом на две части? Или просто продать сразу?

— Потому что завещатель хотела именно так, — отвечает Анна Сергеевна и смотрит на меня с тем самым выражением — она явно знает больше, чем говорит. — Я лишь исполняю волю. У меня, признаться, есть предположение, зачем ваша бабушка выбрала такую формулировку, но это не моё дело — озвучивать предположения. Моё дело — документы.

Она кладёт передо мной папку. Я открываю её механически, листаю копию свидетельства, план участка, и тут из папки выскальзывает что-то лёгкое, картонное, падает мне на колени картинкой вверх.

Карта Таро. Женщина в белом платье укрощает льва, спокойно, без усилия, положив руку ему на пасть. Восьмёрка сверху перевернута в бесконечность. Сила.

Я узнаю эту карту — не как аркан, а лично, по загнутому уголку в правом нижнем углу. Бабушкина колода. Она держала её в ящике комода, вместе с фотографиями и старыми письмами, и каждый вечер раскладывала одну карту — просто так, для себя, без раскладов и вопросов к судьбе. «Карта дня, Мариша. Не гадание. Просто напоминание, что мир хочет с тобой поговорить, если ты готова слушать».

Мне было двенадцать, когда я впервые спросила её, зачем она это делает, если не верит в предсказания в привычном смысле. Бабушка тогда чистила яблоки для варенья, не отвлекаясь от ножа.

— Я не спрашиваю у карт будущее, — сказала она. — Я спрашиваю у себя, что я сегодня готова заметить. Карта просто повод остановиться на минуту.

Я не думала об этих словах много лет. А сейчас сижу в кабинете нотариуса, и Сила смотрит на меня с колен — женщина, которая не борется со львом, а просто кладёт руку ему на пасть — она явно знает, что сила никогда не была про крик.

— Это откуда здесь? — спрашиваю я, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Понятия не имею, — говорит Анна Сергеевна, но уголок её рта чуть дёргается, и я готова поклясться, что она врёт, причём с явным удовольствием. — Возможно, ваша бабушка вложила её сама, когда формировала пакет документов. У неё было богатое чувство юмора, как я поняла из разговоров с ней.

Я убираю карту в сумку, не глядя на Игната, но чувствую, что он смотрит на неё — долго, слишком долго для того, чтобы просто заметить кусок картона.

— Что-то ещё? — спрашивает он у нотариуса.

— Да. У вас будет доступ к дому с сегодняшнего дня, ключи внизу у секретаря. И ещё одно письмо — Анна Тимофеевна просила передать его вам обоим вместе, но только когда вы оба сочтёте нужным его прочитать. Не раньше. Так что я его вам не отдам сейчас, оно будет храниться у меня до вашего запроса.

— А если мы никогда не сочтём нужным? — спрашиваю я.

— Тогда, — говорит Анна Сергеевна, закрывая папку, — оно останется в архиве. Но я бы на это не рассчитывала. Ваша бабушка была очень настойчивой женщиной.

Мы выходим на улицу вместе, потому что деться друг от друга физически некуда — узкая лестница, одна дверь.

На улице тепло для середины августа, пахнет морем и разогретым асфальтом. Игнат останавливается у машины — чёрной, дорогой, слишком большой для этих узких улиц — и смотрит на меня с видом человека, который хочет что-то сказать, но не знает, с чего начать после одиннадцати лет молчания.

— Ты всё ещё пьёшь чай, — говорит он вместо «привет», кивая на бумажный стаканчик в моей руке, который я купила в кофейне напротив, пока ждала начала приёма, и совершенно забыла, что держу.

— А ты всё ещё носишь эти часы, — отвечаю я вместо того, чтобы спросить, зачем он здесь, что с ним случилось за одиннадцать лет, и почему у меня до сих пор внутри что-то обрывается от звука его голоса.

Мы оба смотрим не друг на друга, а куда-то в сторону — я на его машину, он, кажется, на витрину аптеки за моей спиной. Это, наверное, называется прогрессом: раньше мы бы вообще не могли стоять рядом молча.

Мимо проходит женщина с коляской, задевает Игната сумкой, извиняется, он вежливо отвечает — обычная уличная сцена, но она даёт мне секунду, чтобы разглядеть его как следует, без притворного равнодушия. Морщинка между бровей, которой раньше не было. Седина у виска, ровно одна прядь — слишком аккуратная для случайности, почти нарочная, для контраста с тёмными волосами.

— Ты сильно изменился, — говорю я, потому что молчать дальше уже неловко.

— Ты нет, — отвечает он. — То есть да, конечно, но... не в том смысле. Всё ещё шуришься, когда думаешь. Прости, это странно звучит.

— Странно, — соглашаюсь я. — Но не неправда.

— Три месяца, — говорит он наконец. — Ты как вообще к этому относишься?

— Никак пока не отношусь. Я узнала пятнадцать минут назад, что у меня есть половина дома, о котором я не думала два месяца, и вторая половина принадлежит человеку, которого я не видела одиннадцать лет. Дай мне хотя бы день на то, чтобы просто разозлиться как следует.

Уголок его рта дёргается — не улыбка, но что-то рядом с ней.

— Справедливо, — говорит он. — Хотя я, честно говоря, тоже не сразу понял, что чувствую. Отец позвонил час назад, сказал про завешание раньше нотариуса — не знаю, откуда у него эти связи. Я думал, ты в курсе, поэтому не удивился на встрече.

— Твой отец знал раньше меня? — Я слышу, как в моём голосе прорезается что-то острое, и не пытаюсь это спрятать. — Замечательно. Прекрасное начало для равноправного партнёрства.

— Марина, я тут ни при чём.

— Я не говорю, что ты при чём. Я говорю, что мне не нравится узнавать правила игры последней.

Он молчит секунду, и я вижу, как в его лице что-то меняется — то самое сдержанное усилие человека, который привык контролировать любой разговор и сейчас впервые за долгое время не знает, куда его вести.

— Согласен, — говорит он наконец. — Это нечестно. В следующий раз узнаешь первой.

Это не извинение в полном смысле, но что-то в этой фразе звучит честнее, чем я ожидала от человека, который одиннадцать лет назад не удосужился даже позвонить.

— Я тебе позвоню, — повторяет он. — Надо же будет договориться, кто когда приезжает, как смотреть дом, всё это.

— У тебя есть мой номер?

— У меня остался твой старый номер, — говорит он, и в этой фразе я слышу что-то, чего не должна слышать — то ли сожаление, то ли просто констатацию факта, но она застревает у меня в груди острым углом. — Он ведь тот же?

— Тот же, — говорю я, хотя мысленно уже прикидываю, стоило ли отвечать так быстро.

Он кивает, садится в машину. Я стою на тротуаре, держу в руке остывший чай и папку с документами, из которой торчит уголок карты — я не убрала её достаточно глубоко, — и смотрю, как чёрная машина сворачивает за угол.

Только сев в свою собственную машину, я позволяю рукам трястись.

Это глупо. Мне двадцать девять лет, у меня есть диплом архитектора-реставратора, собственная колонка в профессиональном журнале про краснокирпичные здания начала века, и я умею разговаривать с заказчиками, которые хотят снести историческое здание ради паркинга, не срываясь на крик. Я взрослая женщина. Я не должна трястись из-за того, что случайно встретила бывшего парня из старшей школы.

Кроме того, что он не был просто парнем из старшей школы. И то, что случилось между нами, не было просто школьным романом, который заканчивается сам собой, когда все разъезжаются учиться. Он уехал за одну ночь — ночь выпускного, — не оставив ни письма, ни звонка, ни единого объяснения, и одиннадцать лет я жила с этим как с занозой, которая давно перестала болеть, но так и не вышла до конца.

Я разворачиваю папку на пассажирском сиденье и снова смотрю на план участка — тонкая линия дома, отмеченная веранда, старая яблоня во дворе, которую бабушка не разрешала спиливать, хотя та давно перестала плодоносить. Я помню этот дом лучше, чем большинство домов, которые реставрирую за деньги: скрипучую третью ступеньку на крыльце, запах сырого

дерева в чулане, шум моря, который слышно даже с закрытыми окнами, если ветер с той стороны. Я не была там два года — сначала не было времени, потом бабушка слегла, а после похорон я честно не могла заставить себя вернуться.

Теперь у меня есть три месяца и совладелец, чьё имя я старательно не произносила вслух одиннадцать лет — разве что мысленно, в моменты, которые предпочла бы не признавать.

Телефон вибрирует в сумке. Я вздрагиваю сильнее, чем нужно, и с облегчением вижу, что это Люся — голосовое сообщение, судя по значку.

Я не открываю его сразу. Сажу в машине на парковке у аптеки, смотрю на приборную панель и жду, пока сердце перестанет колотиться, — так бьётся, когда взбегаешь по лестнице через две ступеньки.

В сумке, между документами, лежит карта. Женщина в белом, лев, спокойная сила без усилия. Мне не нужно доставать её, чтобы вспомнить, что на ней изображено — я слишком много лет видела эту карту в бабушкиных руках.

Телефон звонит снова. На этот раз это не Люся — номер незнакомый, городской код нашего приморского городка.

Я смотрю на экран три гудка, прежде чем ответить.

— Алло?

Тишина. Кто-то дышит на том конце, недолго, полсекунды, и я почти уверена, что узнаю этот ритм дыхания — как узнала бы почерк, если бы увидела его снова после стольких лет.

— Алло, — повторяю я тише.

Звонок обрывается.

Я смотрю на экран ещё несколько секунд, надеясь, что номер сам объяснится, если смотреть достаточно долго. Не объясняется. Просто десять цифр и код города, который я не набирала так давно, что почти забыла, с чего он начинается.

Наконец я открываю голосовое от Люси.

«Марин, ты живая вообще? Я тебе третий день пишу, у меня новости про работу, и ещё — не поверишь, кто мне вчера написал в директ», — говорит она своим обычным темпом, торопливым даже в записи. Дальше идёт какая-то история про бывшего коллегу, но я слушаю вполуха, потому что смотрю на незнакомый номер во «входящих» и думаю о том, что за одиннадцать лет так и не удалила старый номер Игната из телефона — просто перестала на него смотреть.

Я убираю телефон в сумку рядом с картой, завожу машину и еду домой — но за весь путь так и не могу решить, хочу я перезвонить на этот номер или больше всего на свете хочу никогда этого не делать.

Глава 2. Одиннадцать лет спустя

Дорога в городок занимает три с половиной часа, и я трачу первый час на то, чтобы не думать вообще ни о чём — включаю подкаст про реставрацию промышленных зданий в Манчестере и слушаю его вполуха, глядя, как за окном сменяются поля.

Второй час у меня получается хуже.

Трасса здесь почти не меняется с детства — тот же поворот на заправку с покосившимся навесом, тот же указатель «до моря 40 км», выцветший до бледно-голубого. Мы с Игнатом гоняли по этой дороге на его первом мотоцикле, том самом, который отец потом продал без объяснений — просто в один день гараж оказался пуст, и Игнат две недели ходил такой тихий, что я боялась с ним заговаривать.

Я не думала об этом мотоцикле лет десять. А сейчас вспоминаю запах бензина и его куртку, которую он всегда отдавал мне, если становилось холодно, хотя сам потом мёрз всю дорогу обратно.

Останавливаюсь на заправке, беру кофе, которого не хочу, просто чтобы постоять пять минут вне машины. Женщина за кассой смотрит на меня с секундным узнаванием — не по имени, скорее по типу лица, по манере — так смотрят местные на тех, кто когда-то был местным, а потом уехал.

— Вы к морю? — спрашивает она, отсчитывая сдачу.

— К дому, — говорю я и сама удивляюсь, как легко это слово встаёт на место — не «к бабушкиному дому», не «в наследство», просто к дому.

Я сажусь обратно в машину и достаю телефон — на экране до сих пор открыт вчерашний диалог с неизвестным номером, пустой, если не считать того единственного пропущенного звонка. Я не перезвонила. Весь вечер просидела с телефоном в руке, набирала цифры и стирала, потом легла спать, так и не решившись, а утром убедила себя, что это было ошибочное соединение — кто-то перепутал номер, бывает.

Люся вчера вечером всё же дозвонилась, и я рассказала ей про завещание, про Игната, про карту.

— Марин, — сказала она тогда с той интонацией, с которой обычно комментирует чужие драматичные истории на работе, — ты хоть понимаешь, что это звучит как завязка романа? Полжизни назад пропавший парень, дом у моря, гадальная карта. Тебе бы книжку писать, а не особняки реставрировать.

— Мне бы с этой ситуацией разобраться, — сказала я, и она рассмеялась, но потом добавила уже серьезнее: — Просто не бросайся сразу ни в одну сторону. Ни в «всё забыто», ни в «всё как раньше». Дай себе побыть немного растерянной, это нормально.

Я думаю об этом совете, пока веду машину последние двадцать минут пути, и решаю, что растерянность — это, пожалуй, единственное честное состояние, которое у меня сейчас есть. Люся права хотя бы в одном: я слишком быстро пытаюсь всё разложить по полочкам, найти правильную реакцию, вместо того чтобы просто позволить себе не знать, что чувствую.

Приморская улица встречает меня запахом, который я не могу спутать ни с каким другим — соль, водоросли, чуть подгнившее дерево старых причалов и что-то сладковатое от кустов шиповника вдоль забора. Дом стоит на пригорке, чуть в стороне от соседних, деревянный, с облупившейся голубой краской на наличниках, и веранда — та самая веранда — покосилась ещё сильнее, чем я помню.

Я паркуюсь у калитки и сижу в машине минуту, прежде чем выйти. Дом смотрит на меня тёмными окнами, и мне кажется — нет, не кажется, я знаю точно, — что за эти два года без

бабушки он стал меньше. Так бывает: дома, в которых жили любимые люди, теряют объём, когда людей не остаётся.

Чёрная машина Игната уже стоит у забора с другой стороны. Он опередил меня минут на десять — успел, значит, договориться на работе быстрее, чем я думала.

Калитка скрипит тем же голосом, каким скрипела всегда. Я иду по дорожке, вросшей в землю плитками, мимо клумбы, которая давно заросла, хотя когда-то бабушка сажала здесь флоксы и упрямо боролась с улитками каждое лето. Яблоня у забора стоит голая, без единого яблока — не сезон, а может, просто устала плодоносить в одиночестве, — и я невольно замедляю шаг, чтобы коснуться коры ладонью, как делала это в детстве, поднимаясь на веранду после купания.

Игнат стоит на веранде спиной ко мне, разглядывает перила, проводит рукой по дереву так, как трогают что-то живое, проверяя пульс.

— Здесь, — говорю я, останавливаясь у ступенек, — раньше был почтовый ящик в форме скворечника. Ты помнишь?

Он оборачивается не сразу — секунда, чтобы вернуться из того места, где был мысленно, в это.

— Бабушка твоя выкрасила его в зелёный, потому что настоящий скворечник рядом свои жильцы облюбовали и обижались на конкуренцию, — говорит он, и я чувствую укол чего-то похожего на нежность, потому что он помнит эту глупую деталь так же ясно, как я.

— Она вообще была со странностями, — говорю я, поднимаясь на веранду. Половица под четвёртой ступенькой пружинит ровно так же, как двадцать лет назад, и я невольно улыбаюсь этому знакомству с домом на уровне тела, а не памяти.

— Хорошими странностями, — говорит он.

Мы стоим на веранде друг напротив друга, и я впервые за весь день позволяю себе разглядеть его как следует — не украдкой, не в зеркале заднего вида уходящей машины, а прямо. Он в простой рубашке, закатанные рукава, те же часы на запястье. У него усталый вид — так выглядят люди, которые спали плохо не одну ночь, — и мне хочется спросить почему, но я не имею на это права уже одиннадцать лет.

— Ты давно приехал? — спрашиваю я, чтобы заполнить паузу чем-то безопасным.

— Минут пятнадцать. Стоял тут, думал, с чего начать разговор с тобой, если честно. Даже отрепетировал пару фраз в машине.

— И как, помогло?

— Ни одна не подошла, когда ты вышла из машины, — говорит он с тем сухим юмором, который я помню лучше, чем следовало бы. — Так что теперь импровизирую.

— У тебя не очень получается, — говорю я, и на этот раз он действительно улыбается — коротко, разрешая себе это ненадолго, а потом убирает обратно.

Мы стоим на веранде ещё секунду, прежде чем я толкаю входную дверь, которая поддаётся не сразу — разбухла от влажности за годы без хозяйского присмотра.

Внутри пахнет пылью и сухим деревом, и ещё немного — очень слабо — бабушкиными духами: дом держит этот запах с каким-то упрямством, отказывается его отпускать. Мебель стоит на местах, чехлы на диване, часы на стене остановились на без десяти три — я не спрашиваю, в какой день они остановились, потому что боюсь узнать ответ.

— Крыша течёт в северном углу, — говорит Игнат, идя впереди меня по коридору с уверенностью человека, который уже был здесь и успел составить список проблем. — Я заметил ещё когда заезжал в прошлом месяце — привозил кое-какие бабушкины бумаги, она просила.

— Ты был здесь в прошлом месяце? — Я останавливаюсь. — Она тебя просила?

— Марина, я не рассказывал тебе, потому что не знал, как ты это воспримешь. Твоя бабушка мне звонила иногда. Последние года три, может, четыре.

Это новость, которая должна была бы меня удивить сильнее, чем удивляет. Бабушка всегда была человеком, который живёт по собственным правилам, не спрашивая ничего одобрения — если она решила поддерживать связь с Игнатом Севериным все эти годы, зная всю нашу историю, значит, у неё была на это причина, и я почти уверена, что причина сейчас стоит передо мной в закатанной рубашке.

— О чём вы говорили? — спрашиваю я тише, чем собиралась.

— Обо всём. Про дом, про её здоровье, иногда — про тебя. — Он смотрит на меня прямо, впервые за день без той сдержанности, которая держала расстояние между нами весь путь от конторы до сюда. — Она никогда не давила. Просто рассказывала, как у тебя дела, если я спрашивал.

— А ты спрашивал.

Это не вопрос, но он кивает — так, словно отвечал на настоящий вопрос, а не на мою короткую фразу.

— Спрашивал.

Я не знаю, что делать с этим признанием — оно слишком большое для коридора, пахнущего пылью, слишком личное для человека, который одиннадцать лет не считал нужным написать мне хотя бы одно сообщение. Поэтому я делаю то, что умею лучше всего: перевожу разговор в профессиональную плоскость.

— Покажи крышу, — говорю я.

Крыша действительно течёт — в углу спальни бабушки тёмное пятно расплзлось по потолку широким неровным контуром, и я, забыв на секунду обо всём остальном, машинально подхожу ближе, оцениваю стропильную конструкцию через открытый люк на чердак.

— Балки ещё крепкие, — говорю я, скорее себе, чем ему. Провожу рукой по одной из них, чувствую сухость дерева под пальцами — хороший знак, значит, гниль ещё не пошла в структуру. — Проблема в кровельном покрытии, не в конструкции. Это решаемо.

— Решаемо и дорого, — говорит Игнат, стоя у меня за спиной чуть ближе, чем нужно для простого разговора о крыше. — Я посчитал примерно, пока ждал тебя. Полная реставрация — с фундаментом, с электрикой, с кровлей — это не месяц работы и не копейки.

— Ты уже посчитал?

— Я привык считать, прежде чем говорить, — отвечает он, и в этой фразе слышится негласное извинение за то, что он вообще заговорил о деньгах в доме, где ещё стоят бабушкины чехлы на мебели.

— И сколько получилось?

Он называет цифру, и я невольно присвистываю — не потому что сумма пугающая для реставрационного проекта такого масштаба (я видела и больше), а потому что слышать её вслух, применительно к этому конкретному дому, странно ощутимо и по-взрослому.

— Это без учёта того, что фундамент может преподнести сюрприз, — добавляю я. — Дома такого возраста на этом типе грунта часто требуют укрепления, которое не видно снаружи.

— Ты хочешь сказать, что сумма может вырасти.

— Я хочу сказать, что не хочу тебя обманывать оптимистичными цифрами.

Он задерживает на мне взгляд чуть дольше, чем требует деловой разговор.

— Это на тебя похоже, — говорит он. — Ты никогда не умела врать, даже из вежливости.

— А ты, значит, умел?

Вопрос вылетает раньше, чем я успеваю его придержать, и повисает в воздухе чердака между нами — острый, не относящийся к балкам и кровле.

Игнат молчит секунду дольше, чем требуется для простого ответа, и я вижу, как в его лице что-то мелькает — не обида, скорее узнавание: похоже, он ждал этого вопроса с самой веранды и всё же не подготовился к нему до конца.

— Не про мелочи, — говорит он тихо. — Про мелочи я не врал никогда.

Он не уточняет, что имеет в виду под «не мелочами», а я не спрашиваю дальше — здесь, на чердаке, среди пыльных балок, ещё не время для этого разговора, и мы оба это чувствуем без слов.

Я поворачиваюсь к нему, и мы оказываемся ближе, чем позволяет вежливая дистанция — я чувствую запах его одеколона, тот же самый или очень похожий на тот, что был у него в семнадцать, и на секунду весь дом, вся эта история с наследством, три месяца, отсчитанные нотариусом, — всё исчезает, остаётся только это расстояние между нами, которое мы почему-то не спешим увеличить.

— Ты сильно изменился, — говорю я тише, чем весь предыдущий разговор.

Он тоже понижает голос, почти до шёпота — дом не любит громких разговоров, и оба мы это чувствуем без слов.

— Ты уже это говорила, — напоминает он с едва заметной улыбкой. — У конторы, в первый день.

— И повторю, — говорю я. — Раз ты так и не поверил в первый раз.

Мы стоим так секунду дольше, чем нужно, и я первая делаю шаг назад — не потому что хочу, а потому что не доверяю себе достаточно, чтобы остаться на месте.

— Мне нужно осмотреть остальное, — говорю я. — Профессионально. Раз уж нас тут двое со строительным образованием.

— Девелопер, — поправляет он с намёком на улыбку. — Не совсем архитектор.

— Тем более. У меня будет к тебе много вопросов про несущие стены, которые ты, вероятно, захочешь снести ради современной планировки.

— Я ничего пока не хочу сносить, — говорит он, и что-то в том, как он это произносит, звучит серьезнее, чем просто фраза о доме.

Мы расходимся по разным комнатам — я иду в гостиную, он остаётся у люка чердака, — и только оказавшись одна среди чехлов и остановившихся часов, я позволяю себе выдохнуть по-настоящему, впервые с той минуты, как утром зазвонил телефон в бюро.

Гостиная почти не изменилась — тот же круглый стол под скатертью с вышитыми по краю ромашками, тот же сервант с посудой, которую бабушка доставала только по праздникам. На стене — фотографии в рамках: бабушка молодая, с моим дедом, которого я никогда не видела живым; бабушка с моей мамой в детстве; я сама лет в семь, на этой самой веранде, с косичками и разбитой коленкой. Ни одной фотографии с Игнатом, но я знаю, что где-то в ящике комода лежит хотя бы одна — я сама видела её однажды, много лет назад, случайно наткнувшись на старый альбом.

За окном гостиной — море, серое в этот час, с белыми гребнями волн у горизонта. Я долго не отвожу от него взгляд и думаю о том, что дорога сюда заняла три с половиной часа, но чувство, что я никуда и не уезжала, вернулось быстрее — за одну скрипучую калитку и один запах шиповника.

Из коридора доносятся шаги Игната — он спустился с чердака, ходит по дому с той же деловой сосредоточенностью, с которой, наверное, ходит по любому объекту своей компании, простукивает стены, проверяет окна. Я слышу, как скрипит дверь чулана, потом снова тишина.

Он появляется в дверях гостиной с чашкой в руке — я не сразу понимаю, что он успел найти кухню и вскипятить воду в старом бабушкином чайнике, который свистит на конфорке уже не так пронзительно, как раньше, но всё ещё узнаваемо.

— Заварки нашёл немного, — говорит он, протягивая мне чашку. — Чёрный, не самый свежий, но пить можно.

— Ты помнишь, что я не пью кофе, — говорю я, беря чашку скорее машинально, чем сознательно.

— Я много что помню, — отвечает он просто, без нажима, без попытки сделать из этого признание. — Просто раньше не было повода об этом говорить.

Мы сидим на кухне за столом, который бабушка не меняла лет двадцать — потёртая клеёнка в мелкий цветочек, треснувшая, но заклеенная скотчем ножка одного из стульев. Игнат садится на тот стул, который всегда скрипел под весом взрослого человека, и я не предупреждаю его, потому что мне почему-то приятно, что он сейчас узнает этот скрип сам.

Стул скрипит. Он поднимает бровь.

— Мог бы предупредить.

— Могла бы, — соглашаюсь я, и мы оба чуть улыбаемся, впервые за день без напряжения, без прошлого между нами — просто два взрослых человека на кухне, пьющих чай из разных кружек.

Разговор соскальзывает на бытовое — кто где живёт сейчас, у меня квартира в новостройке ближе к бюро, у него — дом за городом, слишком большой для одного человека, как он сам признаёт с оттенком самоиронии, хотя сейчас, пока идут работы, он снял небольшой коттедж на окраине городка, чтобы не мотаться туда-обратно каждый день. Мы не говорим о главном, но и молчание больше не давит так, как давило в кабинете нотариуса.

Через полчаса он уезжает — говорит, что нужно вернуться, дела в компании не терпят отлагательств, и я киваю с пониманием, хотя внутри что-то немного сжимается от того, что я снова остаюсь одна в доме, где стены помнят обоих нас.

Я решаю остаться до вечера — разобрать хотя бы часть бабушкиных вещей, начать составлять список того, что нужно вывезти, что оставить. Работа успокаивает лучше любых разговоров.

Я сажусь на край дивана, чехол под ладонью пыльный и шершавый, и на секунду позволяю себе просто посидеть в тишине этого дома — впервые за два года без бабушкиного голоса где-то на кухне, без запаха её выпечки, без её вечного «Мариша, поставь чайник».

Телефон в кармане вибрирует. Сообщение от неизвестного номера — того самого, городского, с которого вчера был звонок и тишина на том конце.

«Прости за вчера. Не смог решиться».

Я смотрю на экран долго, читаю фразу трижды, прежде чем понять, что руки у меня снова начинают дрожать — и на этот раз я даже не пытаюсь убедить себя, что дело в кофе.

Глава 3. Условия сделки

Второй визит к Анне Сергеевне назначен на утро четверга, ровно через неделю после первого, и на этот раз мы с Игнатом приезжаем почти одновременно — я вижу его машину на парковке, когда сама только заворачиваю за угол.

Он ждёт меня у входа, держит дверь, и это простое движение — придержанная дверь — почему-то выбивает меня из равновесия сильнее, чем следовало бы. Одиннадцать лет назад он тоже всегда держал двери, придвигал стул, подавал руку на неровной дороге, и я тогда воспринимала это как что-то само собой разумеющееся, а сейчас каждый такой жест ощущается как маленькое напоминание о том, что было.

— Ты сообщение получила? — спрашивает он, пока мы поднимаемся по лестнице.

Я знаю, о каком сообщении речь, — том самом, с извинением за несостоявшийся звонок, — но за неделю я так и не ответила на него, и он, судя по интонации, тоже не собирается делать вид, что этого не заметил.

— Получила, — говорю я. — Не была готова отвечать.

— Понимаю, — говорит он, хотя по его лицу видно, что мой ответ его немного задел, несмотря на слово «понимаю». — Извини, что вообще звонил тогда. Глупая была идея.

— Не глупая, — говорю я, прежде чем успеваю подумать, стоит ли это говорить вслух. — Просто рано. Слишком рано для того, чтобы я знала, что с этим делать.

Он не отвечает, но кивает, и мы заходим в кабинет нотариуса в молчании, которое, к моему удивлению, не кажется тяжёлым.

За неделю между визитами я успела съездить в дом ещё дважды — одна, без Игната, с рулеткой и блокнотом, обмеряя комнаты для будущей сметы. В один из этих визитов, разбирая шкаф в бабушкиной спальне, я наткнулась на коробку из-под обуви, перевязанную бечёвкой, — внутри лежали письма, десятки писем, часть от давних подруг, часть от каких-то дальних родственников. Я не стала разбирать их подробно, не хватило духа, просто перенесла коробку на видное место, чтобы вернуться к ней позже. Сейчас, сидя в приёмной нотариуса, я думаю, не в этой ли коробке лежит то самое письмо, о котором говорила Анна Сергеевна, — то, что предназначено нам обоим.

Анна Сергеевна встречает нас с той же папкой, что и в прошлый раз, только теперь толще — добавились какие-то новые документы, копии технического паспорта дома, справка из БТИ.

— Присаживайтесь, — говорит она, и в её голосе слышится профессиональная деловитость человека, который переходит от эмоциональной части процедуры к практической. — Сегодня нужно обсудить механику. У вас есть три варианта действий в течение отведённого срока, и я хочу, чтобы вы оба понимали последствия каждого до того, как начнёте предпринимать шаги.

Она раскладывает перед нами три листа — почти как меню, думаю я, только вместо блюд варианты того, как распорядиться прошлым.

— Первый: продажа. Вы находите покупателя, оформляете сделку, деньги делятся поровну согласно завещанию. Это самый быстрый путь и, откровенно говоря, самый простой с юридической точки зрения.

— Второй: город выкупает участок под расширение набережной. Условия менее выгодные для вас финансово, но процедура ещё проще — просто дать согласие на предложение, которое уже поступило.

Я поднимаю голову.

— Уже поступило?

— Пришло на прошлой неделе, — говорит Анна Сергеевна, доставая ещё один документ. — Администрация давно присматривается к этому участку. Я обязана вам его показать, но обязана также сказать, что предложенная сумма ниже рыночной процентов на тридцать — это типично для муниципальных выкупов такого рода.

Она передаёт бумагу мне, я пробегаю глазами цифры и передаю Игнату. Он читает молча, задержав взгляд на строке с цифрами дольше обычного.

— Нет, — говорит он твёрдо, кладя лист на стол. — Это не вариант.

— Почему нет? — спрашиваю я не потому, что действительно хочу продавать город, а потому что мне важно услышать его аргумент, а не просто согласиться с ним.

— Потому что этот дом стоит больше, чем они предлагают, и потому что я не буду смотреть, как его сносят ради ещё одного куска бетонной набережной, — говорит он, и в его голосе звучит что-то, чего я не слышала раньше — не деловая холодность девелопера, а что-то личное, почти яростное.

— Ты же сам занимаешься сносом старых зданий, — говорю я, не удерживаясь от подначки. — Разве не в этом суть твоей компании?

— Я занимаюсь редевелопментом, — поправляет он резче, чем нужно. — Это разные вещи. Мы находим зданиям вторую жизнь, а не просто равняем их с землёй ради нового торгового центра. И этот дом — не какой-то безымянный склад на окраине. Это дом твоей бабушки.

Тишина после этой фразы становится неловкой, и я замечаю, как Анна Сергеевна деликатно смотрит в свои бумаги, делая вид, что не следит за нашим разговором.

— Третий вариант, — продолжает она наконец, — совместное владение с последующей реставрацией. Юридически это оформляется как долевая собственность без определения долей в натуре — вы оба остаётесь совладельцами, дом реставрируется на общие средства, а дальнейшая судьба — сдача, проживание одного из вас, что угодно — решается вами самостоятельно после завершения работ.

— А если один из нас захочет продать свою долю потом? — спрашиваю я.

— По закону совладелец имеет право преимущественного выкупа, — отвечает нотариус. — То есть если один из вас решит продать свою половину, второй имеет право выкупить её первым по той же цене, что предложил бы сторонний покупатель.

— А стоимость самой реставрации — как она делится? — спрашивает Игнат. — Пятьдесят на пятьдесят, независимо от того, кто сколько вложил времени и труда?

— Финансово — по договорённости между вами, я не буду это регламентировать, — говорит Анна Сергеевна. — Но советую составить письменное соглашение о долях расходов заранее, чтобы избежать споров позже. Из моей практики скажу: большинство конфликтов между совладельцами возникают не из-за самого решения, а из-за того, что кто-то со временем начинает чувствовать, что вложил больше, чем получил.

Эти слова повисают в комнате дольше, чем нужно для простого юридического совета, и я вижу, как Игнат бросает на меня быстрый взгляд, проверяя, слышу ли я в этой фразе то же, что слышит он.

Я смотрю на эти условия и понимаю, что третий вариант — единственный, который на самом деле не решает проблему, а откладывает её на неопределённый срок. Продать — понятно. Отдать городу — печально, но по крайней мере закрывает вопрос. А вот совместное владение домом с человеком, с которым меня связывает одиннадцать лет несказанных слов, — это не решение, это новый узел, завязанный поверх старого.

— Мне нужно подумать, — говорю я.

— Разумеется, — говорит Анна Сергеевна. — У вас есть время. Впрочем, не так много, как хотелось бы, учитывая объём работ, если вы выберете реставрацию.

Мы выходим на улицу вместе, и на этот раз молчание между нами держится дольше, чем в прошлый раз, — не потому что нам нечего сказать, а потому что мы, кажется, оба обдумываем одно и то же и не спешим делиться выводами.

— Слушай, — говорит Игнат наконец, останавливаясь у своей машины. — Я понимаю, что это может звучать как давление, но я действительно не хочу, чтобы дом сносили. Не потому что это выгодное вложение — оно, кстати, невыгодное, если считать чисто по деньгам. А потому что...

Он замолкает на середине фразы, и я жду, не подгоняя.

— Потому что это единственное место, где я был по-настоящему счастлив, — говорит он наконец, тихо, почти неохотно, словно признание стоит ему усилия. — До того, как всё случилось. Глупо, наверное, признаваться в этом спустя одиннадцать лет.

Что-то в груди у меня сжимается — не боль, скорее узнавание, потому что я могла бы сказать то же самое про этот дом, только никогда не произносила это вслух даже себе.

— Не глупо, — говорю я тихо. — Я тоже.

Мы смотрим друг на друга секунду дольше положенного, и я первая отвожу взгляд — слишком много всего в этом коротком признании, слишком рано разбирать его прямо здесь, на парковке у нотариальной конторы.

Мимо проходит пожилая пара с собакой, и хозяин кивает Игнату — то ли узнал, то ли просто вежливость маленького города, — и момент рассыпается сам собой, оставляя нас снова в привычной деловой колее.

— Значит, реставрация, — говорю я, переводя разговор в практическую плоскость, потому что не знаю, что ещё сделать с этим напряжением между нами. — Но я хочу составить нормальный план, а не просто «давай попробуем и посмотрим». Смету, график, разделение ответственности. Я привыкла работать так с реальными проектами, и не вижу причин здесь делать исключение.

— Согласен, — говорит он, и я вижу в его лице облегчение — то ли от того, что решение принято, то ли от того, что я предложила профессиональную структуру, которая позволяет нам не разговаривать напрямую о том, что происходит между нами, пока мы обсуждаем графики.

— У меня в бюро есть коллега, который специализируется на сметах для реставрационных проектов, — говорю я. — Могу попросить его помочь с расчётами, если тебе это сэкономит время.

— Было бы полезно. А у меня есть бригада, которая работала на трёх похожих объектах в этом регионе — кровля, фундамент, все дела. Могу их подключить, если ты не против внешних подрядчиков вместо того, чтобы делать всё через твоё бюро.

— Не против, если качество будет соответствовать требованиям к историческому зданию. Я не разрешу заливать современный бетон в фундамент дома начала века только потому, что так быстрее.

— Я и не предлагал бы, — говорит он с тенью улыбки. — Я помню, как ты относишься к аутентичности материалов. Ты мне лекцию читала про это ещё в семнадцать лет, когда мы красили забор у твоей бабушки не той краской.

Я не могу не улыбнуться этому воспоминанию — я действительно тогда устроила ему целую речь про то, что нельзя красить старое дерево современной акриловой краской, потому что она не даёт дереву дышать, и он, кажется, слушал меня с преувеличенной серьёзностью, а потом всё равно доделал забор так, как я сказала.

— Ты тогда сказал, что я говорю точь-в-точь как школьная учительница, — вспоминаю я. — Я обиделась на неделю.

— Ты обиделась на три дня, если быть точным, — поправляет он. — А потом сама же попросила меня помочь с гербарием для биологии, потому что больше не с кем было.

— У тебя удивительно хорошая память на детали, которые выставляют меня не в лучшем свете.

— У меня хорошая память вообще на всё, что касается тебя, — говорит он просто, без всякого кокетства в голосе, и от этой простоты фраза звучит только тяжелее.

— Хорошо, что хоть что-то запомнил правильно, — говорю я, стараясь удержать разговор в лёгком русле.

— Я много что запомнил правильно, — говорит он, и в этой фразе снова звучит что-то большее, чем простой ответ на шутку, но на этот раз я не отвожу взгляд сразу — позволяю себе на секунду задержаться в этом моменте, прежде чем деловая часть меня снова берёт верх.

— Тогда договорились. Я подготовлю черновой план и смету на своей стороне к концу недели, ты подключишь бригаду и обсудишь с ними примерные сроки. Встретимся снова через неделю, сверим планы.

— Через неделю, — соглашается он. — Кстати, — добавляет он, уже открывая дверь машины, — насчёт коробки писем, которую ты нашла в шкафу. Ты говорила о ней Люсе, а Люся, кажется, обмолвилась моему бывшему однокласснику, а он — мне. Городок маленький, слухи расходятся быстрее, чем хотелось бы.

Я невольно смеюсь — это первое, что заставляет меня рассмеяться за весь этот тяжёлый день.

— Это катастрофа конфиденциальности, — говорю я. — Даже не знаю, обижаться мне на Люсю или радоваться, что у нас тут своя система оповещений.

— Добро пожаловать домой, — говорит он с иронией, которая звучит тепло, а не язвительно. — Здесь всё всегда всем известно за сутки максимум.

— Я помню, — говорю я. — Просто забыла, насколько это неудобно, когда сама становишься темой для разговоров.

— Не переживай, — говорит он. — Через пару недель появится какая-нибудь новая сплетня, и про нас забудут.

— Сомневаюсь, — говорю я. — «Первая любовь и наследство» — это слишком хорошая история, чтобы её так легко забыли.

Он смотрит на меня секунду, явно хочет что-то ответить на это, но вместо этого просто качает головой с полуулыбкой.

Он садится в машину, но перед тем как захлопнуть дверь, оборачивается ко мне ещё раз.

— Марина.

— Да?

— Спасибо, что не отказалась сразу. Я боялся, что ты просто скажешь «продавай» и уедешь, лишь бы не иметь со мной дела дольше необходимого.

Я смотрю на него, и на секунду хочется сказать правду — что часть меня действительно хотела именно этого, простого выхода, быстрого решения без осложнений, — но вместо этого я говорю то, что честнее.

— Дом того стоит, — говорю я. — Не только из-за прошлого. Он правда хорошо построен, и жалко было бы потерять такую конструкцию просто потому что кому-то нужен ещё один кусок набережной.

Он кивает, принимая этот профессиональный ответ вместо личного, хотя мы оба знаем, что дело не только в конструкции.

— До связи, — говорит он и уезжает.

Я остаюсь стоять на парковке одна, с папкой документов под мышкой и смутным ощущением, что я только что согласилась на нечто гораздо большее, чем просто реставрационный проект — на три месяца регулярных встреч, разговоров, совместных решений с человеком, который одиннадцать лет назад разбил мне сердце одним своим молчаливым отъездом.

По дороге домой я заезжаю в бюро — забрать ноутбук, который забыла накануне, — и застаю там только Костю, который доедает всё ту же лапшу, кажется, из той же упаковки, что и неделю назад.

— Ну как, — спрашивает он, не отрываясь от монитора, — продали дом первой любви?

— Ты откуда знаешь про первую любовь? — спрашиваю я, замирая на пороге.

— Мария Витальевна рассказала. Она где-то что-то услышала. — Он наконец поднимает взгляд, и в его глазах — неприкрытое любопытство. — Ну так что, продали?

— Не продали, — говорю я, доставая ноутбук из ящика стола. — Решили реставрировать.

— Ого. — Он присвистывает, совсем как я недавно на чердаке. — Это надолго?

— На три месяца минимум. Может, дольше.

— Держись, Осокина, — говорит он с наигранной торжественностью. — Судя по тому, как ты сейчас выглядишь, тебе это дастся непросто.

— Как я выгляжу?

— Как человек, который только что подписался на американские горки и делает вид, что это была рациональная деловая сделка.

Я не нахожу, что на это ответить, потому что он, кажется, совершенно прав.

Телефон вибрирует в кармане. Люся.

«Ну как, продали дом?» — пишет она без предисловий.

Я смотрю на экран, набираю ответ, стираю, набираю снова.

«Решили реставрировать. Втроём. Я, он и одиннадцать лет неразобранного багажа».

Люся отвечает почти мгновенно: «Господи, Марин. Держи меня в курсе, это лучше любого сериала».

Я убираю телефон и иду к машине, чувствуя странную смесь тревоги и чего-то похожего на предвкушение: подписавшись на этот проект, я, кажется, подписалась на что-то гораздо более важное, чем крыша и фундамент.

Дома, вечером, я всё же достаю блокнот и начинаю набрасывать черновую смету — колонки цифр, список работ по приоритету, примерные сроки. Работа с числами всегда действовала на меня успокаивающе, и сейчас, когда я вывожу первые строки бюджета, часть тревоги действительно отступает — здесь, по крайней мере, я точно знаю, что делаю и почему.

В самом конце списка, отдельной строкой, я пишу: «Найти письмо бабушки». Не потому, что это входит в смету реставрации, а потому, что я вдруг понимаю — какую бы дверь мы с Игнатом ни выбрали сегодня в кабинете нотариуса, это письмо рано или поздно придётся прочитать. И я почти уверена, что оно изменит куда больше, чем просто наше решение насчёт дома.

Глава 4. Дом с трещинами

Суббота начинается с того, что я забываю рулетку дома и вынуждена возвращаться за ней с полдороги — маленькая деталь, которая почему-то выбивает меня из колеи больше, чем должна бы. Я говорю себе, что просто плохо спала, но правда в том, что всю неделю я нервничала перед этим визитом сильнее, чем перед любой профессиональной встречей за последний год, и это меня саму раздражает.

Первый совместный рабочий визит назначен на субботу — я приезжаю с рулеткой, лазерным дальномером и блокнотом, в котором уже расчерчены таблицы для замеров, Игнат приезжает с бригадиром по имени Сан Саныч, крупным мужчиной лет пятидесяти с руками, знающими, кажется, всё, что можно знать про старые дома.

— Ну показывайте, что тут у вас, — говорит Сан Саныч, поднимаясь на веранду с уверенностью человека, для которого скрипучие половицы — не сюрприз, а рабочий материал.

Он оглядывает дом снаружи внимательным взглядом человека, который видел сотни таких домов, и я замечаю, как он одобрительно кивает на резные наличники — деталь, которую мало кто из современных строителей вообще замечает.

— Хорошая работа была, — говорит он, проводя пальцем по узору. — Такое сейчас не делают. Не потому что не умеют, а потому что заказчики не хотят платить за то, чего не видно с улицы за десять секунд.

Мне нравится этот человек с первой минуты — редкий случай, когда бригадир понимает не только конструкцию, но и то, зачем вообще нужна аутентичность.

Я начинаю с фундамента — спускаюсь в подвал с фонариком, простукиваю кирпичную кладку, ищу следы влажности, высолы, трещины. Игнат идёт следом, держит фонарь так, чтобы свет падал туда, куда мне нужно, — молча, без лишних вопросов, словно уже понял правила игры на сегодня: я работаю, он помогает, потом меняемся ролями.

Подвал пахнет землёй и чем-то затхлым, старым деревом, которое давно не проветривали. Под ногами — утоптаный земляной пол, кое-где выложенный кирпичом, а вдоль стен тянутся полки, на которых до сих пор стоят банки с закатками — судя по слою пыли, простоявшие здесь не один год.

— Здесь, — говорю я, указывая на длинную трещину в фундаментной стене, идущую по диагонали от угла. — Это меня беспокоит больше всего.

Сан Саныч спускается к нам, присаживается на корточки, проводит пальцем по трещине.

— Осадочная, — говорит он через минуту. — Дом просел неравномерно, скорее всего из-за грунтовых вод — участок близко к морю, почва подвижная. Ничего критического, но укреплять надо, и чем раньше, тем лучше, пока трещина не пошла дальше.

— Сколько это будет стоить? — спрашивает Игнат.

Сан Саныч называет цифру, и я вижу, как Игнат едва заметно хмурится — не потому что сумма его пугает, а потому что она, судя по всему, больше, чем он рассчитывал в своих предварительных прикидках.

— Дорого, — говорит он, скорее себе, чем нам.

— Фундамент — это основа, — говорю я твёрже, чем собиралась. — Экономить здесь — значит закладывать проблему, которая через пять лет обойдётся втрое дороже. Я на своей работе вижу это постоянно: люди хотят сэкономить на невидимой части здания, а потом удивляются, почему трескаются стены.

— Я не говорю экономить, — отвечает Игнат резче, чем требует ситуация. — Я говорю, что нужно понимать реальный бюджет, прежде чем брать на себя обязательства, которые потом невозможно выполнить.

— То есть ты уже сомневаешься? — спрашиваю я, и в моём голосе звучит больше вызова, чем я планировала.

— Я не сомневаюсь в доме, — говорит он, глядя на меня прямо. — Я сомневаюсь в том, что мы правильно оцениваем масштаб происходящего.

Сан Саныч, тактично сославшись на необходимость измерить что-то на улице, оставляет нас одних в подвале, и я почти уверена, что он просто не хочет присутствовать при том, что назревает.

— Слушай, — говорю я, стараясь звучать спокойнее, чем чувствую себя. — Я реставратор. Моя профессия — именно в том, чтобы видеть, где можно экономить без потери качества, а где нельзя. Фундамент — это то самое «нельзя». Если ты мне не доверяешь в этом вопросе, тогда я вообще не понимаю, зачем ты позвал меня заниматься этим проектом.

— Дело не в доверии к твоей квалификации, — говорит он, и в его голосе прорывается усталость. — Дело в том, что я привык считать риски наперёд, а с этим домом я, кажется, не могу мыслить рационально с самого начала.

Это признание застаёт меня врасплох — я ожидала защиты, а получила что-то куда более честное.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что для меня это не просто объект недвижимости, — говорит он, понижая голос, хотя мы одни в подвале и понижать его не для кого. — Каждый раз, когда я считаю смету, я одновременно думаю о том, что случится, если мы не справимся, если денег не хватит, если через два месяца выяснится, что это была ошибка — не финансовая, а... — Он замолкает на полуслове, явно испугавшись того, куда ведёт эта мысль.

— Не финансовая, — повторяю я тихо.

Он смотрит на меня секунду, и я вижу в его глазах то же самое, что чувствую сама, — страх, что мы оба вкладываемся не только в дом.

— Я тоже об этом думаю, — говорю я, потому что вдруг понимаю, что молчать дальше нечестно. — Каждый раз, когда мы обсуждаем сроки или бюджет, я ловлю себя на мысли, что на самом деле думаю не про кровлю.

Он смотрит на меня так, словно не ожидал такого ответа — прямого, без защитного слоя иронии, которым мы оба обычно прикрываемся.

— И что ты думаешь? — спрашивает он тихо.

— Что три месяца — это очень мало и очень много одновременно, — говорю я. — Мало, чтобы восстановить дом. И слишком много, чтобы просто механически видаться раз в неделю и делать вид, что между нами ничего, кроме сметы.

— Забудь, — говорит он вдруг, отворачиваясь к трещине в стене, — она, кажется, вдруг требует его немедленного внимания. — Давай просто закончим с фундаментом.

Я не забываю, но и не давлю — просто киваю и достаю блокнот, чтобы записать примерную смету на укрепление, потому что иногда единственный способ пережить неудобный момент — это вернуться к цифрам.

Несколько минут мы работаем в почти полном молчании — я диктую цифры, он записывает в телефон, и постепенно ритм совместной работы снова выравнивает дыхание между нами, снимает часть напряжения, которое повисло в воздухе подвала после моих слов.

Наверху, в гостиной, где мы раскладываем документы на бабушкином круглом столе, между нами повисает другое, более спокойное молчание — то, которое бывает после того, как первая волна напряжения схлынула, но осадок ещё чувствуется.

Сан Саныч, вернувшись с улицы, деловито раскладывает свои записи рядом с нашими, и я замечаю, что он ведёт себя тактично — не задаёт лишних вопросов, не комментирует напря-

жение, которое явно почувствовал ещё в подвале, просто включается в работу, спокойно и буднично.

— По кровле, — говорит он, разворачивая свой блокнот, — предлагаю натуральную черепицу, раз уж вы за аутентичность. Дороже металлочерепицы процентов на тридцать, зато прослужит дольше и выйдет правильно для такого дома.

— Согласна, — говорю я сразу. — Металл здесь будет выглядеть чужеродно, как заплатка.

— Хорошо, — говорит Игнат, не споря, хотя я вижу, как он мысленно прибавляет ещё одну цифру к общей сумме. — Раз мы решили не экономить на важном, то хотя бы на второстепенном сэкономим — я имею в виду не материалы, а логистику. Моя бригада уже работала в этом районе, знает местных поставщиков, сможет договориться на цене лучше, чем случайные подрядчики.

— Это разумно, — соглашаюсь я, и мы впервые за день чувствуем себя настоящей командой, а не двумя людьми, случайно связанными завещанием.

— Смотри, — говорю я, разворачивая план дома, который начертила по замерам за последние две недели. — Если укрепляем фундамент сейчас, кровлю можно отложить на месяц — крыша течёт только в одном углу, остальное покрытие ещё продержится сезон. Это даст нам время распределить бюджет по этапам, а не тратить всё сразу.

Игнат склоняется над планом, и я вижу, как его взгляд скользит по линиям чертежа с тем же вниманием, с каким он, наверное, изучает свои собственные проекты.

— Ты хорошо чертишь, — говорит он вдруг. — Я имею в виду — профессионально хорошо, не просто аккуратно.

— Спасибо, — говорю я, немного удивлённая этим комплиментом посреди делового разговора. — Десять лет практики того стоят.

— Помню, ты рисовала дом ещё тогда, — говорит он, продолжая смотреть на чертёж, а не на меня, — так ему, кажется, проще говорить. — В блокноте, который всегда носила с собой. Я тогда думал, что ты станешь художницей.

— Я стала кем-то средним между художницей и инженером, — говорю я. — Реставратор — это примерно так и работает: половина эстетика, половина сопромат.

— Хорошее сочетание, — говорит он, и в этой простой фразе снова слышится что-то большее, чем комментарий к профессии.

Мы работаем ещё час, обсуждая последовательность работ, согласовывая бюджет по этапам, и постепенно деловой ритм снова возвращает нас в то русло, в котором проще находиться рядом друг с другом. Сан Саныч возвращается, приносит свои замеры кровли, добавляет цифры в общую смету, и к вечеру у нас на столе лежит черновой план на первые два месяца работ — не идеальный, но реалистичный.

Разглядывая старую фотографию дома на стене — чёрно-белый снимок, где веранда ещё новая, а яблоня во дворе тонкая, как прутик, — Сан Саныч спрашивает, кто на фото.

— Бабушка с дедом, — говорю я. — Дом только построили тогда, в пятидесятых.

— Хорошо строили, — говорит он с уважением в голосе. — Такие дома переживают своих хозяев на несколько поколений, если за ними ухаживать. Жалко, что сейчас так редко делают.

Игнат замирает над фотографией, разглядывая её непривычно пристально, и я вижу, как что-то в его лице смягчается — то самое выражение, которое у него бывает, когда он думает о доме не как о смете, а как о месте.

За окном гостиной начинает темнеть, и Сан Саныч, взглянув на часы, объявляет, что ему пора — жена ждёт к ужину, а дорога домой неблизкая. Он собирает свои листы, аккуратно сворачивает рулетку, и перед тем как уйти, останавливается в дверях.

— Дело хорошее затеяли, — говорит он, глядя то на меня, то на Игната. — Редко сейчас люди берутся восстанавливать, а не сносить. Уважаю.

— Спасибо, Сан Саныч, — говорю я.

— Ну, до связи тогда, — говорит он и уходит, оставляя нас снова вдвоём в доме, наполненном вечерними тенями.

Оставшись вдвоём, мы ещё какое-то время сидим над чертежами молча — усталость от долгого дня чувствуется в плечах, в затёкшей спине, в том особом молчании, которое бывает только после насыщенной, но исчерпавшей себя работы.

— На сегодня, наверное, хватит, — говорю я, потягиваясь, чувствуя, как затекла спина после нескольких часов сидения на корточках в подвале и склонившись над чертежами.

— Хватит, — соглашается Игнат. Он смотрит на меня секунду, и что-то в его лице меняется — становится мягче, чем было весь день. — Спасибо, что не сдалась после того разговора в подвале.

— Я не сдаюсь легко, — говорю я. — Это, наверное, единственное, что не изменилось во мне за одиннадцать лет.

— Это я как раз помню очень хорошо, — говорит он с тенью улыбки. — Ты и в семнадцать спорила со мной до последнего, даже когда была не права.

— Я редко была не права, — говорю я, и он смеётся — коротко, но искренне, и этот смех разряжает остатки напряжения между нами лучше любых слов.

Мы остаёмся вдвоём в доме, который постепенно погружается в вечерние сумерки — свет из окон становится золотистым, косым, и пылинки в воздухе гостиной вдруг становятся видимыми, танцуют в этом свете медленно, лениво.

— Хочешь, я провожу тебя до машины? — спрашивает Игнат, хотя машина стоит буквально в десяти метрах от калитки.

— Думаю, я справлюсь, — говорю я с улыбкой, но не спешу отказываться от компании до конца двора.

Мы идём по дорожке молча, и я вдруг вспоминаю, как открывала сегодня утром ящик комода в спальне бабушки, ища запасной фонарик для подвала, и наткнулась там на что-то, чего не заметила при первом осмотре, — маленькую жестяную коробочку, спрятанную за стопкой постельного белья. Я не открыла её тогда, отвлеклась на дела, но сейчас, идя рядом с Игнатом в вечернем свете, вспоминаю про неё снова и решаю, что обязательно вернусь к ней в следующий визит — что-то в том, как аккуратно она была спрятана, подсказывает, что там не просто старые пуговицы.

Вечерний воздух пахнет морем сильнее, чем днём, — так всегда бывает на закате, когда ветер меняет направление. Где-то за забором лает соседская собака, и этот звук почему-то кажется мне удивительно уютным — дом словно снова начинает обрастать привычными звуками жизни после двух лет тишины.

— О чём задумалась? — спрашивает Игнат, заметив, что я замолчала на середине двора.

— Нашла сегодня коробочку в спальне бабушки, — говорю я. — Не успела открыть. Спрятана была странно тщательно.

Что-то во взгляде Игната меняется — мимолётно, но я успеваю заметить.

— Может, там просто украшения, — говорит он, но в его голосе звучит осторожность, которой не было секунду назад.

— Может, — соглашаюсь я, хотя теперь мне ещё сильнее хочется узнать, что внутри.

У калитки мы останавливаемся, и снова повисает та особая тишина, которая появляется между нами каждый раз, когда деловая часть дня заканчивается, а личная ещё не началась.

— Слушай, — говорит Игнат, прежде чем я успеваю попрощаться. — Насчёт того, что я сказал в подвале. Про три месяца.

— Да?

— Я не жалею, что мы это начали. Просто хотел, чтобы ты знала.

— Я тоже не жалею, — говорю я, и в этот момент это чистая правда, без всяких оговорок.

— До следующей субботы, — говорю я.

— До следующей субботы, — повторяет он, и в его голосе слышно нежелание уезжать так рано.

Я сажусь в машину, заводжу двигатель, и в зеркале заднего вида вижу, как он всё ещё стоит у калитки, глядя мне вслед, — не машет, просто стоит, стараясь, видимо, запомнить эту картину подольше.

Всю дорогу домой я думаю не о фундаменте и не о смете, а о жестяной коробочке в комоде и о том странном выражении на лице Игната, когда я о ней упомянула — выражении человека, который знает больше, чем говорит.

Глава 5. Карта, которая не уходит

Съёмная комната, которую я нашла через местное объявление, оказывается мансардой над магазином хозяйственных товаров — маленькой, но чистой, с покатым потолком и окном, из которого видна крыша соседнего дома и полоска моря между печными трубами. Я сняла её на два месяца, чтобы не мотаться каждый раз три с половиной часа туда и обратно, и теперь по средам и субботам ночью здесь одна, среди чужой мебели, которая постепенно начинает казаться не такой уж чужой.

Хозяйка, сдавшая мне комнату, — женщина за шестьдесят по имени Валентина Егоровна, живущая этажом ниже, — оказалась на удивление ненавязчивой соседкой: заходит раз в неделю спросить, не нужно ли чего, иногда оставляет на общей кухне банку домашнего варенья без всякого объяснения, просто с запиской «угощайтесь». В первый вечер она, узнав, что я внучка Анны Тимофеевны, всплеснула руками и минут двадцать рассказывала, какой бабушка была активной в местном совете ветеранов, — я слушала с той смесью грусти и тепла, которая теперь сопровождает почти каждый разговор о бабушке в этом городе.

Сегодня среда, и я вернулась из дома поздно — просидела до темноты, разбирая бабушкины вещи в кладовке, составляя список того, что можно отдать, что сохранить, что просто выбросить. Работа тяжёлая не физически, а эмоционально: каждая вещь несёт за собой историю, которую приходится либо вспоминать, либо намеренно отталкивать, чтобы не расклеиться посреди дня.

Я разогреваю себе чай, сажусь на узкий подоконник, поджав ноги, и достаю из сумки бабушкину колоду — она теперь всегда со мной, я даже не замечаю, в какой момент это стало привычкой.

Карта дня. Не гадание, просто напоминание, что мир хочет с тобой поговорить, если ты готова слушать.

Я перетасовываю колоду медленно, привычными движениями, которые выучила ещё в детстве, наблюдая за бабушкой на кухне. Снимаю верхнюю карту, кладу перед собой рубашкой вниз, и на секунду замираю, прежде чем перевернуть — так делаю всегда, эта короткая пауза давно стала частью самого ритуала.

Переворачиваю.

Сила.

Я смотрю на карту дольше, чем обычно, чувствуя, как в груди поднимается раздражение — не на карту, конечно, карта не виновата, а на саму себя за то, что мне вообще важно, какая карта выпала.

— Совпадение, — говорю я вслух, произнесённое слово почему-то кажется более убедительным, чем та же мысль про себя. — Семьдесят восемь карт в колоде. Рано или поздно она выпадала бы снова.

Я тасую заново, откладываю Силу в сторону, снимаю другую карту.

Снова Сила.

Это уже физически странно объяснить простой перетасовкой — если только я не тасую настолько плохо, что верхняя карта каждый раз оказывается одной и той же. Я собираю всю колоду, перемешиваю её тщательнее обычного — режу колоду пополам несколько раз, тасую по методу «риффл», который освоила ещё в подростковом возрасте, наблюдая, как бабушка ловко перекидывает карты между пальцами. На этот раз я снимаю сразу три карты вместо одной, раскладываю их в ряд — прошлое, настоящее, будущее, простейший расклад, который бабушка иногда делала, если день был особенно тяжёлым.

Первая карта — Башня. Разрушение, крах старых конструкций.

Вторая — снова Сила.

Третья — Солнце, перевёрнутое.

Я смотрю на эти три карты дольше, чем на предыдущие попытки, и чувствую, как по спине пробегает холодок, который я тут же пытаюсь списать на сквозняк из мансардного окна. Башня в позиции прошлого — понятно, это про отъезд Игната, про рухнувшую в одну ночь конструкцию наших отношений одиннадцать лет назад. Сила в настоящем — уже привычная гостья. А вот перевёрнутое Солнце в будущем мне не нравится совершенно — обычно эта карта означает радость и ясность, а перевёрнутая — задержку счастья, омрачённую победу.

Я смотрю на колоду с подозрением, с каким смотрят на упрямого собеседника, потом со вздохом собираю карты обратно в стопку и убираю в сумку — на сегодня хватит экспериментов с судьбой.

Я вспоминаю, как бабушка однажды объясняла мне разницу между колодами — у неё было три, но раскладывала она всегда только на этой, самой потрёпанной. «Остальные я держу для гостей, — говорила она, — а эта знает меня слишком хорошо, чтобы врать». Тогда я считала это просто её обычной причудой, одной из многих. Сейчас, сидя одна в чужой мансарде с колодой в руках, я впервые задумываюсь, не имела ли она в виду что-то более буквальное.

Я беру телефон и открываю старую переписку с бабушкой — она никогда не была особенно активна в мессенджерах, но иногда присылала мне фотографии заката над морем без единого слова, просто чтобы поделиться. Последнее такое сообщение датировано за месяц до её смерти. Я смотрю на эту фотографию дольше, чем следовало бы, потом убираю телефон и заставляю себя вернуться к настоящему моменту.

Я звоню Люсе, потому что мне нужен голос человека, который не станет придавать мистический смысл каждой мелочи, а просто выслушает и, возможно, отпустит одну из своих фирменных шуток, после которых становится легче дышать.

— Ну как там твой роман с наследством? — спрашивает она вместо приветствия.

— Карта Сила выпадает третий вечер подряд, — говорю я вместо ответа на её вопрос. — Не знаю, что с этим делать.

— Марин, — говорит Люся с той интонацией, с которой обычно комментирует чужие суеверия на работе, — ты серьёзно звонишь мне вечером в среду, чтобы обсудить карты Таро?

— Я звоню тебе, чтобы ты сказала мне, что я не схожу с ума.

— Ты не сходишь с ума, — говорит она послушно, но потом добавляет уже без иронии: — Хотя, знаешь, если бы карта выпадала мне три раза подряд, я бы тоже начала прислушиваться. Не потому что верю в мистику, а потому что психика иногда выбирает странные способы сказать себе что-то важное. Может, дело не в картах, а в том, что ты сама уже знаешь ответ, просто не готова произнести его вслух.

— Какой ответ?

— Марин, я тебя умоляю. Ты две недели рассказываешь мне про человека, с которым сидишь в подвалах, чинишь фундамент и вспоминаешь школьные заборы, и при этом каждый раз добавляешь «но это чисто деловое». Карта, изображающая женщину, которая не борется со львом, а просто кладёт руку ему на пасть, — по-твоему, это правда совпадение?

Я молчу секунду, потому что мне нечего ей возразить — она права ровно настолько, чтобы это было неприятно.

— Дело не в том, чтобы бороться, — говорю я наконец, скорее себе, чем ей. — Сила в этой карте не про подавление льва. Она про то, чтобы находиться рядом с чем-то опасным и не терять себя.

— Вот именно, — говорит Люся мягче. — Может, карта не про Игната вообще. Может, она про тебя саму — про то, что ты снова учишься быть рядом с чем-то, что может сделать тебе больно, и не разваливаться от этого.

Это интерпретация, которую я не рассматривала, и она застаёт меня врасплох сильнее, чем сама карта.

— Когда ты успела стать такой мудрой? — спрашиваю я, отчасти в шутку, отчасти всерьёз.

— Я всегда была мудрой, ты просто обычно занята собственной драмой и не замечаешь, — говорит она со смехом. — Слушай, а с Артёмом ты после развода как справлялась? Тоже карты раскладывала?

— Нет, — говорю я. — С Артёмом всё было понятно с самого начала, мне не нужны были знаки, чтобы понять, что происходит. Здесь по-другому.

— Потому что здесь ты сама не знаешь, чего хочешь, — говорит Люся, и в её голосе звучит редкая для неё серьёзность. — И это, кстати, нормально. Не обязательно решать всё сегодня вечером, глядя на карту Таро в чужой съёмной мансарде.

— А ты бы что сделала на моём месте?

Люся молчит секунду, что для неё почти беспрецедентно долго.

— Честно? Я бы, наверное, уже давно бы всё выяснила прямым текстом, без карт и недомолвок. Но я не ты, и у меня нет одиннадцати лет истории с человеком, который однажды просто исчез без объяснений. Так что мой совет тут особо не годится.

— Спасибо за честность.

— Всегда пожалуйста. Кстати, — добавляет она, меняя тему с той резкостью, с какой умеет только она, — я тут купила себе новые кроссовки, хочешь фото?

Мы говорим ещё минут двадцать — про её работу, про какого-то нового парня, который написал ей в директ, про совершенно не относящиеся к моей ситуации вещи, и это отвлечение помогает больше, чем любой совет по существу.

— Спасибо, что выслушала, — говорю я перед тем, как попрощаться.

— Всегда пожалуйста. И, Марин, — добавляет она уже серьёзнее, — что бы ни означала эта карта, не бойся её. Ты всю жизнь боишься вещей, которые на самом деле означают, что ты становишься сильнее, а не слабее.

После разговора я ещё какое-то время сижу у окна, глядя на полоску моря между печными трубами, которая в темноте видна только по редким огонькам далёких судов. Слова Люси крутятся в голове — про то, что сила не в подавлении, а в способности оставаться собой рядом с чем-то опасным. Я думаю, применимо ли это к дому, к Игнату, ко всей этой истории с наследством, или же дело действительно во мне самой, в том, что я снова учусь не сжиматься от близости, которая однажды меня подвела, — довериться человеку, который потом просто исчез.

Я встаю, завариваю себе ещё чаю, хотя первая чашка давно остыла нетронутой на подоконнике, и хожу по маленькой комнате из угла в угол — три шага туда, три обратно, — пытаюсь унять беспокойство, которое не уходит даже после разговора с Люсей.

На комоде у стены стоит фотография в простой деревянной рамке — Валентина Егоровна поставила её сюда, кажется, специально для постояльцев, чтобы комната не выглядела совсем безликой: чёрно-белый снимок городской набережной пятидесятых годов, той самой, о расширении которой так настойчиво просит администрация. На фотографии — женщины в летних платьях, дети с мороженым, лодки у причала. Я смотрю на неё и думаю о том, что через несколько десятилетий кто-то, возможно, будет так же смотреть на фотографию нашего времени, пытаясь угадать, что чувствовали люди на ней.

Мысли о доме приводят меня обратно к сегодняшнему дню — к разговору с Игнатом в подвале, к его признанию о том, что он не может мыслить рационально, когда дело касается этого места. Я прокручиваю в голове его лицо в тот момент, когда он сказал «не финансовая», и понимаю, что весь вечер, весь этот ритуал с картами, был, возможно, просто способом

отвлечься от того факта, что я не могу перестать думать о нём с той минуты, как мы расстались у калитки.

Я думаю о том дне, много лет назад, когда бабушка впервые показала мне значение карты Сила — мне было, наверное, лет четырнадцать, и я спросила её, почему на карте женщина, а не воин с мечом, как я себе представляла настоящую силу.

— Потому что меч — это про то, чтобы победить кого-то другого, — сказала она тогда, раскладывая на кухонном столе овощи для супа, — разговор о картах Таро был для неё таким же обыденным делом, как готовка. — А эта карта про другое. Про то, чтобы не бояться того, что внутри тебя самой. Лев на этой карте — не враг. Лев — это твои собственные страсти, твой гнев, твой страх. И сила не в том, чтобы его убить, а в том, чтобы научиться с ним жить, не позволяя ему собой управлять.

Я тогда не до конца поняла эти слова, восприняла их как одну из бабушкиных мудрых, но абстрактных фраз, каких у неё было множество. Сейчас, годы спустя, сидя одна в мансарде и вспоминая лицо Игната в подвальном полумраке, я, кажется, наконец понимаю, что она имела в виду.

Телефон вибрирует на подоконнике рядом со мной. Сообщение от Игната.

Я смотрю на экран не сразу — сначала на имя, потом на превью текста, который начинается непривычно для наших обычных деловых переписок про смету и сроки.

«Не сплю. Думаю о доме. И не только о доме, если честно».

Я перечитываю это сообщение три раза, прежде чем понимаю, что рука, которой я держу телефон, слегка дрожит — не от холода, хотя в мансарде и правда прохладно по вечерам, а от того особого волнения, которое накатывает, когда чувствуешь, что разговор вот-вот перейдёт черту, за которой уже нельзя будет сделать вид, что ничего не изменилось.

Я смотрю на карту Силы, которая так и лежит на подоконнике рядом со мной — я не убрала её обратно в колоду вместе с остальными, оставила её на виду, словно нарочно, чтобы была под рукой.

Женщина, которая не борется. Просто остаётся собой рядом с тем, что могло бы её испугать.

Я набираю ответ, стираю, набираю снова, и в конце концов пишу то единственное, что кажется мне честным в эту минуту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.